
Проблемы этнополитического развития бурят и тувинцев в 1920-е годы

Аверченко И. П.

Автор проводит сравнительный анализ советского этнополитического строительства в Бурятии и Туве в 1920-е гг., обращая внимание на малоизвестные сюжеты и проблемы формирования национальной государственности двух народов в рамках большевистской доктрины самоопределения народов и развития мировой революции.

Ключевые слова: Бурятия, Тува, советская этнополитика, автономия, внешнеполитические интересы

The author carries out comparative analysis of the Soviet ethnopolitical construction in Buryatia and Tuva in the 1920s. He pays attention to little-known themes and difficulties of nationhood formation of two nations as part of Bolshevik doctrine related to national self-determination and worldwide revolution development.

Keywords: Buryatia, Tuva, Soviet ethnopolitics, autonomy, foreign policy interests

Этнополитическое развитие того или иного народа составляет центральную проблему истории национальной государственности, народоведения, а также становления такого поликультурного государства, как Россия, на протяжении всей его истории. Коллизии, связанные с политическим статусом того или иного этноса, особенно в составе более крупного государства, всегда были в центре внимания исследователей. Для нашей страны исторически эти проблемы имеют серьезное значение, а в настоящее время характерны возрождение этнокультурной самобытности народов России, трансформация федеративного устройства, конфессиональный

ренессанс традиционных религий, сложный характер межкультурных коммуникаций. Все это во многом определяется последствиями распада СССР, когда произошли радикальные преобразования в национальной политике государства. Политизация этничности приобрела в советское время решающее значение в модернизации народов, но проводилась противоречиво и имеет далеко идущие последствия. Это относится и к региональной составляющей российской государственности. На примере крупных многоэтнических регионов, прежде всего Сибири, можно рассмотреть и уточнить ряд важных проблем в истории этнополитики, разрывов и преемственности в этносоциальной модернизации общества, выявить определенные полезные политические и социально-культурные уроки для настоящего.

Исторически Сибирь представляет собой своеобразное географическое, культурно-историческое, языковое и конфессиональное пространство, где веками взаимодействуют между собой самые разные этнические общности. Именно в этом контексте изучение этнополитического развития конкретных народов весьма актуально, ибо это призвано помочь правильному пониманию современной реальности и решению существующих проблем в национальной политике Российской Федерации. Кроме того, обращение к этнополитической истории способствует пониманию роли и места отдельных народов в современных этнических, этнокультурных и конфессиональных процессах в России.

Сравнительное изучение этнополитической истории бурят и тувинцев представляет

существенный и актуальный научный и прикладной интерес. Географически, культурно, экономически коренные народы этих республик имеют базовую общность и в то же время различаются. Буряты и тувинцы традиционно являются шаманистами и буддистами, т.е. единоверцами, однако буряты монголоязычны, а тувинцы — тюркоязычны. История включения Бурятии и Тувы в состав России продолжительна и своеобразна, что само по себе дает хороший повод для анализа. Остановимся на некоторых ключевых аспектах формирования советской государственности у двух народов в 1920-е гг.

Как известно, в 1914 г. Тува под названием «Урянхайский край» была присоединена к России, что стало результатом успешных внешнеполитических действий царского правительства. После прихода к власти большевиков с одной стороны, геополитические устремления советской власти совпадали с традиционными устремлениями российского самодержавия. В силу этого РСФСР стремилась сохранить и по возможности укрепить свое влияние в Урянхае. С другой стороны, Китай рассматривался как один из наиболее важных партнеров на Дальнем Востоке. Таким образом, перед Советской Россией стояла непростая задача — сохранить свои позиции в Туве, не допустить там усиления китайского влияния, избегав при этом осложнения отношений с Китайской Республикой.

11 июня 1918 г. открылся V съезд русского населения края, а 13 июня — съезд представителей тувинского народа. Газета «Известия Минусинского совета» писала в связи с этим: «В Танну-Туве (Урянхае) открылись съезды — урянхайский и русский. Эти съезды должны решить судьбу края. Особенно важным является съезд урянхайский. До сих пор за урянхайцами не признавалось право на самоопределение. Только советская власть, защитница прав угнетенного человечества, встала на иную точку зрения и признала за урянхайцами право самим определять свою судьбу, а вместе с тем также и то, кому должен принадлежать Урянхайский край — России, Китаю, Монголии или быть

самостоятельным государством. Вопрос о самоопределении Урянхае составляет главный пункт в порядке дня урянхайского съезда, созванного Краевым Советом депутатов» [1. С. 74].

18 июня 1918 г. состоялось совместное заседание русского и тувинского съездов, на котором единодушно был принят Договор о самоопределении Тувы, дружбе и взаимной помощи русского и тувинского народов. Текст Договора выработала специальная комиссия, созданная обоими съездами. В нем говорилось: «Урянхайский народ объявляет, что отныне он... будет управляться совершенно самостоятельно и считает себя свободным, ни от кого не зависимым народом. Русский народ, приветствуя такое решение урянхайского народа, находит его справедливым и немедленно же возвращает все отобранные у кожуунов царскими чиновниками кожуунные печати». В Договоре были разрешены вопросы политических и экономических отношений между русским и тувинским народом. «Объявляя себя независимым, — говорилось в нем, — урянхайский народ не должен нарушать прав русских граждан и во имя долготной дружбы предоставляет русским в постоянное пользование занятые ими земельные участки». В Договоре упоминалось о совместной борьбе с врагами как русского, так и тувинского народа: «В случае опасности какой-либо стороны для урянхов и русских обе народности должны давать дружный отпор, защищая свои интересы общими усилиями» [2].

Что касается Бурятии, то революционные процессы на ее территории с начала 1917 года привели к невиданному ранее оживлению национальной демократии. Несмотря на ее объективно крайнюю малочисленность, она использовала поддержку сибирских областников для введения местных органов национального самоуправления, хотя их развитие в условиях гражданской войны зависело от этнополитической линии ведущих сил — т.н. белых и красных.

После победы большевиков этнополитическое развитие всех народов России вводится в контекст решения задач национального самоопределения. Но отрицание большевистской

теорией и практикой культурно-национальной автономии привело в условиях советской власти к замедлению процессов самоорганизации и становления национального самоуправления, интенсификация которых связана с новой доктриной правящей партии в отношении меньшинств как части этнокультурного целого страны [3].

В августе 1919 г. ВЦИК принял постановление «Об организации гражданского управления в Сибири», по которому создавался национальный отдел и совет национальностей при нем (Сибнац), имевший в т.ч. бурятский подотдел и общемонгольский с аналогичными подразделениями на местах. Национальные отделы специально созданного Наркомнаца (нарком И.В. Сталин) совместно с аналогичными подразделениями на местах занимались организацией образования и просвещения, культурно- и политико-просветительной работы, сбором статистических сведений об этнических группах. За 1919–1920 гг. прошло 36 национальных съездов по вопросам просвещения разных народов [4].

Что касается Тувы, то несмотря на революционные события и национально-освободительное движение в крае тувинским населением по-прежнему продолжали управлять нояны, а государственная машина старой феодальной власти не была сломлена окончательно. Однако теперь, в новых условиях, власть прежних феодалов и чиновников была расшатана и ослаблена. Тувинские амбын-нояны, которые ранее управляли несколькими кожуунами края, в годы революции, по существу, сложили с себя полномочия. Институт амбын-ноянства был исторически и политически изжит.

В июне 1921 г. в центре западных кожуунов — Чадане — состоялось совещание с представителями двух хемчикских кожуунов, Даа и Бейсэ, где проживало большинство тувинского народа. На нем был поставлен вопрос о национальном самоопределении тувинцев. Совещание вынесло следующее постановление: «Мы, представители двух хемчикских кожуунов, находим, что единственным, самым

верным и лучшим путем дальнейшей жизни нашего народа будет именно путь достижения полной самостоятельности нашей страны. Решение вопроса о самостоятельности Урянхая в окончательной форме мы переносим на будущий общий урянхайский съезд, где будем настаивать на нашем теперешнем постановлении. Представителя Советской России просим поддерживать нас на этом съезде в нашем желании о самоопределении» [5].

Между тем в советском руководстве обсуждалось три возможных варианта будущего развития Тувы: 1) включения последней в состав РСФСР. Однако возникшие аналогии с действиями царского правительства сделали его неприемлемым для советского руководства; 2) объединение Тувы и Монголии в одно государство, что фактически означает «передачу» Тувы китайским революционерам. Целесообразность этого варианта состояла в том, что Китай рассматривался как сфера возможного распространения социалистической революции; 3) создание независимого Тувинского государства. Последний вариант, по мнению советского руководства, был наиболее приемлимым в сложившейся исторической обстановке. Чтобы избежать обвинений в экспансионизме со стороны Китая и одновременно сохранить там влияние, правительство Советской России отказалось от включения Тувы в состав РСФСР [6. С. 11].

В августе 1921 г. в местности Суг-Бажы собрался Всетувинский Учредительный Хурал представителей всех кожуунов Тувы, на котором присутствовали также делегация Советской России и представители Дальневосточного секретариата Коминтерна в Монголии. Число представителей тувинских кожуунов составляло около 300 человек, причем свыше 200 из них были аратами.

На повестке дня Учредительного Хурала основными были вопросы о самоопределении Тувы, О Конституции, об укреплении дружественных отношений с народами России и Монголии. Всетувинский Хурал принял историческую резолюцию о создании самостоятель-

ного тувинского государства. «Народная Республика Танну-Тува, — говорилось в резолюции Хурала, — является свободным, ни от кого не зависящим в своих внутренних делах государством свободного народа, в международных же отношениях Республика Танну-Тува действует под покровительством Российской Социалистической Федеративной Советской Республики». На второй день заседания была провозглашена независимая Республика Танну-Тува. Столицей республики был объявлен город Кызыл, до этого именовавшийся Белоцарском.

Учредительный Хурал утвердил Конституцию Народной Республики Танну-Тува, состоявшей из 22 статей, в которых четко излагались завоевания революции и законодательно закреплялось образование республики. Советское правительство направило через народного комиссара по иностранным делам РСФСР Г.В. Чичерина обращение к тувинскому народу, в котором говорилось: «В настоящее время, когда рабочие и крестьяне России свергли ненавистное деспотическое царское правительство и совершенно отстранили от власти царских чиновников, рабоче-крестьянское правительство России, выражающее волю трудящихся масс, торжественно объявляет, что отнюдь не рассматривает Урянхайский край как свою территорию и никаких видов на него не имеет» [1. С. 78–80]. Признавая самостоятельность Тувинской Народной Республики, советское правительство гарантировало всестороннюю экономическую и культурную помощь в ее дальнейшем развитии. В связи с этими событиями некоторые современные исследователи опровергают принятую в исторической литературе концепцию о сущности Тувинской национально-освободительной революции 1921 г., приведшей к созданию ТНР. На основе имеющихся источников они показывают, что создание ТНР вовсе не было следствием так называемой национально-освободительной революции, а оказалось результатом политического развития событий в России после Октябрьской революции 1917 г.

Вернемся к ситуации в Бурятии. 2 марта 1920 г. Красная Армия при поддержке партизан

освободила Верхнеудинск (ныне столица Бурятии Улан-Удэ). Именно в это время сложилась основная специфика этнополитической организации бурятского народа — Западная Бурятия вошла в состав РСФСР, восточная — в Дальневосточную республику (ДВР). В октябре 1921 г. состоялся областной съезд бурят-монгол РСФСР, который признал советскую национальную политику «единственно способной вывести маленькую бурят-монгольскую народность из ... полупатриархального и полуфеодального состояния» [7]. В том же году в составе ДВР была создана Бурят-Монгольская автономная область (в ее составе оказались Агинский, Баргузинский, Хоринский и Читинский аймаки; центром стала Чита). 9 января 1922 г. была образована Бурят-Монгольская автономная область в составе РСФСР (в нее вошли Тункинский, Аларский, Эхирит-Булагатский, Боханский и Селенгинский аймаки; центром стал Иркутск).

Разделение этноса в 1922 г. в связи с образованием Бурятской автономной области в составе ДВР и автономной Бурят-Монгольской области в составе РСФСР заставило правительства ДВР и РСФСР в марте и мае того же года утвердить Центральный Совет по культурным делам бурят-монгол обеих республик. Это можно расценивать как фактическое признание и введение института культурно-национальной автономии, столь резко отвергавшейся большевиками. В то же время руководство НКВД (замнаркома Л.М. Карахан и заведомо Востока В. Волинский), признавая необходимость последующего объединения двух областей, предлагало Наркомнацу «воздержаться от окончательного решения о предоставлении бурятам республики» и предварительно особенно внимательно разобратся с территориально-земельным вопросом. Он создавал «политически опасные национальные трения между русским крестьянским и бурятским населением», да и согласование позиции центра и местных деятелей шло нелегко [7. Ф. 82. Оп. 2. Д. 269. Л. 1–2].

Между тем уже в декабре 1922 г. руководители Бурятского обкома РКП (б) и Бурревкома

обратились в Наркомнац с докладной запиской и материалами об объединении двух автономных образований. Они считали недопустимым с точки зрения государственной целостности и экономии средств и сил, как и политики самоопределения, сохранение двух АО с бурятским населением. В деле обнаружена сводная карта областей, а также подробные данные о развитии их районов, подтверждающие традиционное социально-экономическое и культурное единство этих регионов.

В то же время справедливо ставились вопросы о различиях: в автономии на территории РСФСР был уже «мощный и укрепившийся советский аппарат, годичный опыт успешного советского строительства», проводились землеустроительные работы. На территории ДВР эти процессы шли медленно или вовсе не начинались (землеустройство). К тому же «максимум осторожности и внимания» надо было проявить в связи с неизбежным включением русского населения в состав бурятских аймаков или бурятских улусов — в состав русских уездов, в силу естественно сложившегося дисперсного расселения этнических групп.

Бурятские деятели просили центр дать определенные директивы по вопросам «формы автономного существования бурят-монгольского народа при его объединении и место в общей системе Российской Федерации (взаимоотношения с центральными и областными органами власти)». На практике, считали они, возможны были три варианта решения проблемы: вхождение независимых советских республик по договору в состав РСФСР; создание советских автономных республик и формировании автономных областей. Для бурят-монгол Восточной Сибири, указывалось далее, подходит советская автономная республика, особенно в интересах влияния на Монголию [7. Л. 8—11].

20 декабря 1922 г. малая коллегия Наркомнаца заслушала доклад представителей бурят-монголов по вопросу объединения, поддержала эту идею и создала специальную комиссию (в нее входил и И.В. Сталин, как делегат X съезда Советов от Прибайкальской губернии).

2 января 1923 г. она также высказалась за объединение, призвав при этом к максимальной осторожности в связи со сложными земельными отношениями между русскими и бурятами. Вопрос о форме объединения комиссия оставила открытым.

Однако уже 13 марта комиссия признала, что объединение иркутских и забайкальских бурят и создание Бурятской автономной республики практически невозможно из-за «отсутствия политических мотивов к демонстративному созданию такой Республики, хотя бы потому, что совсем недавно ликвидирован Дальне-Восточный буфер, и этот шаг, как показал последующий опыт, оказался правильным. Создание Бурятской Автономной Республики, как средство усиления влияния на Тибет, малосостоятельно», — так причудливо переплелись в текущей политике стратегические цели мировой революции, освобождения и самоопределения наций, укрепления международных позиций нового государства.

К тому же оказалось, что и конкретные вопросы не были решены — отсутствовали точные данные о количестве бурятского и русского населения в предполагаемой республике, о размерах ее территории, о смежном землепользовании этносов. Признавалась и административная нецелесообразность решения, поскольку объединенное население переходило в ведение СибВРК, а подчинение дальневосточного советского центра Москве нужно было сохранить.

Между тем представители обеих автономных областей настаивали на срочном объединении и предлагали на паритетных началах создать смешанную комиссию из представителей заинтересованных групп населения во главе с уполномоченным ВЦИК для решения вопроса. Они напоминали о неверной, как им казалось, позиции Сибревкома, который «в свое время оказался не в состоянии учесть то значение, которое могло бы иметь своевременное введение организации автономного управления для Якутии или Горного Алтая, и понадобились тяжелые уроки инородческих восстаний и вме-

шательство Центра, чтобы он мог убедиться в полной ошибочности своей тактики» [7. Ф. 82. Оп. 2. Д. 269, 24].

Между тем перед первым тувинским правительством встала чрезвычайно сложная задача развития в политической, экономической, культурной областях, решение которой исключительно силами республики было трудно выполнимо. СССР, имевший демократические традиции и мощный экономический потенциал, а также значительно укрепивший свои позиции в регионе, рассматривался тувинским правительством как основной партнер в экономическом и политическом сотрудничестве. В силу этих причин ни Китай, ни Монголия не могли открыто выступать против Советского государства, хотя от желания «иметь при себе Туву» не отказались. Противоборство трех государств за влияние в Туве не прекратилось, а приняло принципиально новые формы. Интересы СССР и Китая столкнулись в сфере экономики, они вели борьбу за господство на тувинском рынке. Расширение и углубление взаимовыгодного торгово-экономического сотрудничества между СССР и ТНР способствовало не только вытеснению с тувинского рынка китайского частного торгового капитала и закреплению советского влияния в Туве, но и упрочению экономического положения самой Тувинской республики.

В феврале 1922 г. вместо первого правительства — Центрального Совета был создан Совет Министров ТНР, состоявший из четырех министерств: иностранных, внутренних, военных дел и юстиции. В конце 1922 г. было образовано министерство финансов. Позднее министерство военных дел было расформировано, его функции переданы министерству внутренних дел. Создание министерств обеспечивало лучшую организацию деятельности правительства и местных органов власти. На министерство внутренних дел возлагались функции общественной и государственной безопасности страны, охрана государственных границ, а также руководство делами народного просвещения и здравоохранения. В распоряжении этого ми-

нистерства находился военный отряд, образованный в конце 1921 г. Министерство финансов, помимо финансовых дел, занималось и вопросами народного хозяйства и торговли. Создание министерства юстиции способствовало дальнейшему улучшению судопроизводства в республике. В целях успешного завершения антифеодальных задач национально-освободительной революции и развития общества по социалистическому пути весной 1922 г. в Туране была создана Тувинская народно-революционная партия (ТНРП), избран ее Центральный комитет и принят временный Устав.

Параллельно с тувинцами реформированием своих структур занималось и русское население Тувы: в феврале 1922 г. их краевой ревком был преобразован в исполнительный комитет Русской самоуправляющейся трудовой колонии (РСТК), а местные ревкомы — в сельские Советы. 12 февраля того же года между правительством ТНР и исполкомом РСТК был заключен договор, которым определялось правовое положение русского населения в Туве.

Существование РСТК в течение более десяти лет сыграло исключительно важную роль в истории ТНР: выполняя указания Советского правительства, исполком РСТК помогал передавать новым органам власти Тувы опыт советского государственного строительства. При этом между органами РСТК и ТНР не было существенных политических различий. Некоторые несущественные различия заключались лишь в том, что демократические органы управления ТНР — народные Хуралы являлись типами крестьянских Советов, осуществлявших власть трудящихся аратов, а Советы РСТК — органами диктатуры пролетариата, основанными на союзе рабочих с трудовым крестьянством. По мере развития ТНР по некапиталистическому пути это различие между ними постепенно исчезло.

Привлечение представителей феодально-теократических кругов для государственного управления на первоначальном этапе истории ТНР было не политической ошибкой, как считали некоторые авторы, а весьма продуманной

мерой новых властей, руководимых Советской Россией. Ибо она позволила в условиях почти всеобщей неграмотности опереться на образованных лам и создать предпосылки для подготовки новой партийно-государственной элиты из числа «революционно настроенных» тувинских аратов, которые обучались по специальной целевой программе в Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ) в Москве; там же обучались и бурятские представители, как и многие другие выдвиженцы народов Сибири, Средней Азии, зарубежного Востока [8. С. 16].

Выпускниками КУТВа были такие политические деятели Тувы, как С.К. Тока (секретарь ЦК ТНРП), С.Т. Чымба (Председатель Совмина ТНР), Х. Базыр-Сат (секретарь ЦК ТНРП по пропаганде и агитации), О. Тадароол (министр животноводства и земледелия ТНР), Н.Ч. Товариштай (министр внутренних дел ТНР), М. Маады (секретарь ЦК Тувинского

революционного союза молодежи). Почти вся политическая элита Тувы получала образование в учебных заведениях СССР, и это обстоятельство не могло не оказать влияния на формирование и развитие политической системы в молодой республике.

Итак, этнополитическое развитие бурят и тувинцев в 1920-е гг. шло в общем русле генеральной тенденции социально-политической и экономической модернизации народов Сибири. При этом решающее значение имела внутренняя и внешнеполитическая стратегия советского руководства, нацеленного на реализацию идей мировой революции через не прошедшие капитализм и сохранившие «первобытный коммунизм» народы. При определенном различии в конкретно-исторических сюжетах и этапах эта стратегия обеспечивала постепенный всесторонний прогресс ранее отсталых народов через предоставление им прежде всего политических институтов советского образца.

Литература

1. История Тувы. Издание второе. Т. 1. Новосибирск, 2001. С. 74.
2. Центральный государственный архив Республики Тыва. Ф. 112. Оп. 1. Д. 390. Л. 16–17.
3. Подробнее см.: Нам И.В. Национальные меньшинства Сибири и Дальнего Востока в условиях революции и гражданской войны (1917–1922 гг.). Автореф. дис. ... д. и. н. Томск, 2008.
4. ГА РФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 150. Л. 41; Жизнь Сибири. 1922. № 4. С. 200.
5. Рукописный фонд Тувинского института гуманитарных исследований. Д. 42. Л. 313.
6. Хомушку Ю.Ч. Укрепление суверенитета ТНР и позиция СССР в 20-е годы // Ученые записки ТИГИ. Вып. XX. Кызыл, 2003.
7. ГА РФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 52. Л. 2.
8. Москаленко Н.П. Этнополитическая история Тувы в XX в. М., 2004.